

Век разлома и общности

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_355

Letteratura russa dal primo Novecento all'inizio del nuovo secolo /

A cura di A.P. Bonola, M. Calusio, D. Rebecchini.

Milano: Pearson, 2025. — XXI, 504 p.

Коллективный труд итальянских ученых (среди которых такие заметные фигуры итальянской русистики, как Манфред Шруба, Дамиано Ребеккини, Массимо Маурицио) «Русская литература: от начала XX до начала нового века» представляет собой учебник, предназначенный для студентов и аспирантов-славистов, — основательный обзор литературной эволюции, протекавшей по трем направлениям: официальному — со всеми сопутствующими политико-идеологическими подробностями; подпольному — в условиях свободы от цензуры, но отягощенному социальными рисками; эмигрантскому — в большей или меньшей степени, но в ощущении тягостной разлуке с родной культурой. При этом авторы книги исходят из вполне распознаваемого ими единства русской литературы. Также предпринята попытка проследить изменения в языке, поскольку литература неотделима от его эволюции. Хронологически разбор начинается с 1905–1910 гг., когда после Первой русской революции в условиях кризиса символизма оформлялся литературный авангард. Изложение доходит до 2017 г. Самые последние явления в русской литературе авторами не затрагиваются, поскольку для них пока отсутствует «аналитическая дистанция, обеспечивающая объективное восприятие» (с. 309).

Учебник состоит из двух частей: первая представляет собой собственно аналитическое историческое изложение, вторая содержит 72 статьи (они определены как *schede* — карточки), посвященные отдельному произведению. Каждая статья второй части включает показательный отрывок с последующим комментарием, представляющим не только смыслы цитаты, но и поэтику автора в целом. Семнадцать статей вдвое объемнее остальных, поскольку знакомят студентов с канонической квинтэссенцией русской литературы XX в.: прозаическими и стихотворными мирами А. Платонова, В. Набокова, М. Булгакова, Б. Пастернака (в обоих разделах), В. Гроссмана, А. Солженицына, В. Шаламова, Вен. Ерофеева, А. Блока, В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, И. Бродского, Д. Пригова и Е. Шварц. Научный инструментальный учебник внушает доверие, он тщательно отобран, однако в оформлении библиографического аппарата встречаются досадные огрехи, вероятно, неизбежные для столь объемного труда. Так, например, в некоторых «карточках» указанные в скобках после цитат из других исследований фамилии их авторов не всегда сопровождаются указанием на работу в библиографическом списке в конце статьи, и, напротив, авторы, указанные в библиографии, не всегда цитируются в «карточке».

Четырнадцать глав первой части организованы хронологически и тематически. Разговор начинается с авангардной поэзии и прозы 1910–1917 гг. Отмечаются признаки преемственности и полемики с итальянским футуризмом. С одной стороны,

вполне в русле европейского авангарда, «акцент на звуковых и визуальных аспектах слов в ущерб семантике позволяет подчеркнуть автономную эстетическую ценность языка», с другой — «культ машины и городского пространства, восхваляемый итальянцами, интерпретируется кубофутуристами неоднозначно, <...> если не с откровенным ужасом», а война отнюдь не воспринимается как «единственная гигиена мира» (по Маринетти), поскольку «русские футуристы в основном склонялись к пацифизму» (с. 6). Кризис реализма в прозе, назревший к 1910-м гг., обусловил и бунинский «переход от реалистической, благородной прозы XIX века к повествованию, проникнутому новым модернистским мироощущением» (с. 34), и «новую чуткость» Мережковского, Брюсова, Сологуба и Белого, которые «исследовали измерения эроса, снов, одержимости, мистицизма и безумия, описывая их как психические реальности, определяющие человеческую жизнь и историю» (с. 38).

В сложный послереволюционный период вплоть до 1930-х гг. художественные импульсы Серебряного века продолжали работать, чему не могли полностью помешать жесткие регуляционные меры государства. Отсутствие цензуры, отмененной сразу после Февральской революции, оказалось весьма кратковременным: декрет «О печати» от 27 октября 1917 г. восстановил идеологические запреты. Тем не менее в период НЭПа сохранялся эстетический плюрализм: имажинисты, Серапионовы братья, ЛЕФ, Объединение реального искусства, эксперименты Ю. Олеши и А. Платонова, открытия М. Булгакова соседствовали с первыми ростками советской «потребительской литературы» (с. 72) — от приключенческих мистификаций М. Шагинян до компромиссной фантастики А. Беляева, который в 1938 г. в предисловии к «Человеку-амфибии» посчитал необходимым отметить, «что описанное им невозможно: социалистический реализм не допускает фантазии» (с. 73). Появление упомянутого Беляевым ключевого понятия авторы связывают с периодом организации Союза писателей, ознаменовавшего завершение официальной унификации литературной жизни в СССР в сталинский период, и разбирают теоретическую и практическую суть соцреализма. Горький, призывая писателей, наследующих критическому реализму, дополнить его «революционным романтизмом», по сути, вел их «не к изображению, а к конструированию реальности», что позволило позже А. Синаевскому обозначить «классицизм, а не реализм как идеальный горизонт для этой национализированной литературы» (с. 144).

Попытка преодолеть жестко моделирующие механизмы соцреализма была предпринята в самом начале общественной и культурной оттепели: уже в декабре 1953 г. В. Померанцев в статье «Об искренности в литературе», опубликованной в «Новом мире», «самом важном журнале этого периода, <...> резко критиковал стереотипный, “сконструированный” характер сталинской литературы», предлагая новые ценностные ориентиры. «Искренность, жизненная сила и независимость вскоре станут новыми лозунгами оттепели» (с. 178–179), что отразилось в поисках новой интонации военной прозы, в страшных откровениях лагерной литературы, в восприимчивости молодых писателей к поискам подлинности в западной прозе, в молодежном поэтическом «взрыве». Оттепель получила мощное продолжение в перестройке — еще одном важнейшем для культуры периоде относительной либерализации «сверху». Ключевым для перестройки авторы учебника считают феномен «возвращенной литературы» (с. 203), которая была выведена из-под идеологических запретов и обрушилась на советского читателя несколькими потоками: произведения русских писателей начала XX в., творчество эмигрантов и самиздат.

В учебнике детально изложены социальные и культурные причины и обстоятельства пяти волн литературной эмиграции. Первая волна неоднородна в том числе и поколенчески: письмо взрослых, состоявшихся на родине литераторов разворачивало трудный опыт бегства, сосредотачивалось на сохранении русской куль-

туры, утверждении собственной идентичности через историческую память, поэтому они оставались в творчестве принципиально приверженными только русскому языку. Тексты молодежи пытались нащупать новую идентичность в чужом мире, вплоть до перехода в иную языковую стихию. «Дикийцы» — эмигранты второй волны — «с началом холодной войны в марте 1946 года, обладая опытом советской жизни, вскоре стали преобладать в организациях, созданных для борьбы с коммунистической идеологией. <...> в Европе и Соединенных Штатах возникли сотни кафедр славистики, которые стали важным источником занятости для бесчисленных эмигрантов первой (Владимир Набоков, Нина Берберова, Глеб Струве) и второй волн (Владимир Марков, Борис Филиппов)» (с. 216). Писатели-эмигранты третьей волны покидали родину как диссиденты (Солженицын, Зиновьев, Войнович и др.), причем в ряде случаев диссидентство носило еще и эстетический характер (Бродский, Лимонов, Довлатов, Соколов). Четвертая волна последовала за распадом СССР и охарактеризована как единственная обусловленная преимущественно экономическими причинами. Начало пятой обозначено в книге 2012 г.

Другая детально рассмотренная в учебнике освященная историей практика купировать духовный дискомфорт, вызванный социально-политической обстановкой на родине, — внутренняя эмиграция. Она принимала формы подпольной, самиздатской и тамиздатской литературы и давала интеллектуальный и эстетический воздух как писателям, так и читателям, несмотря на риски, связанные с ее созданием, распространением и восприятием. Ярким проявлением «эстетического инакомыслия, имевшего прямые или косвенные политические последствия» (с. 280), стала неподцензурная поэзия 1960–1980-х гг.: в книге дана широчайшая палитра ее представителей, публиковавшихся в ставших теперь легендарными журналах «Синтаксис», «37», «Часы», «Митин журнал», альманахе «Призма». Довольно причудливая характеристика (не все в ней представляется бесспорным) дана Аркадию Драгомощенко: «Он зарекомендовал себя как “ненадежный” певец алогизма, создатель симулякров смысла в вавилонской вселенной перекрывающихся знаков. <...> Излияние одержимого скриптора, кажущееся бесконтрольным, типично для Драгомощенко; поэтическая речь, утратившая логическую завершенность, открывает новые и неожиданные смысловые переходы» (с. 297). Ситуация постсамиздатских девяностых и двухтысячных «побудила молодых поэтов радикально переосмыслить значение литературного творчества, которое теперь понимается прежде всего как рассуждение о себе, размышление о собственной роли и — в еще большей степени — о своем самосознании в новом мире» (с. 307). Как важнейшее явление 2010-х обозначена документальная поэзия. Помимо нее, «другой подход, имевший огромный успех на московской поэтической сцене, принадлежит Андрею Родионову, автору очень энергичных текстов с уклоном в рэп <...>, посвященных пригородам Москвы, насилию и бессмысленности, характеризующим жизнь их обитателей, но в крайне ироничном и, казалось бы, легкомысленном тоне, отсылающем к городскому фольклору» (с. 309). К сожалению, в разговоре о молодых авторах 2010-х никак не упомянута экспериментальная непрозрачная поэзия (Н. Сафонов, Е. Суслова, С. Снытко, И. Соколов и др.). Отмечается специфическая для постсоветского периода роль романа, прежде всего в его постмодернистских формах (В. Пелевин, В. Сорокин, А. Иванов, М. Елизаров, Е. Водолазкин), которому «была доверена задача направлять читателя <...> по трудному пути самоидентификации, требующему переосмысления истории» (с. 326), каковое в 2010-х оказывается также «попыткой залечить болезненно открытую рану Истории» (с. 328), обусловленную «многочисленными разрывами в пространственно-временном континууме между Российской империей, Советским Союзом и Российской Федерацией, — трагически ощутимыми сегодня» (с. 319). Лечение осуществляется

«различными способами — в той или иной степени фантастическими, в той или иной степени реалистическими». Предположительно, эта попытка «останется одной из точек фокусировки русской прозы на долгие годы вперед» (с. 328).

В XX в. происходили важнейшие преобразования в языке: после революции, в сталинскую эпоху и после распада Советского Союза — им в книге уделено пристальное внимание, причем в соответствующих главах речь не идет о литературе, отслеживаются и анализируются собственно лингвистические феномены, показательные для того или иного периода. Без такого рода информации восприятие русской литературы студентами-русистами было бы неполным. В постсоветский период два основных фактора определяли изменения в русском языке: социально-политические изменения и информационные технологии. В учебнике зорко и пронизательно отслеживаются изменения на всех уровнях языковой системы: в лексике, грамматике, морфологии, синтаксисе, даже формах вежливости. Слова, связанные с государственной системой и церковью, вернулись в активный лексикон («губернатор», «президент», «Рождество», «крестный ход»). Язык постоянно пополняется за счет внушительного количества заимствований (от «блокбастера» до «фейка») и калькированных выражений («горячая линия», «потребительская корзина»), причем заимствования осваиваются посредством словообразовательных процедур («распиаренный», «спамить»). «В периоды войн, эпидемий и стихийных бедствий язык все чаще использует эвфемизмы, чтобы с помощью нейтрального слова обозначить что-то неприятное или пугающее» (с. 336). Лексемы приобретают новые значения («интервью»), слова могут проявлять несвойственные им ранее морфологические характеристики («активности» — множественное число), появляются новые феминитивы («авторка», «профессорка»). «В последние годы русский язык переживает поляризацию, и нескольких слов достаточно, чтобы понять политическую позицию собеседника» (с. 339). В аспекте языка в учебнике отслеживаются явления совершенно недавние, как, например, мгновенно распространившаяся в последние годы калькированная с английского форма вежливости «Хорошего дня!».

Внушительная в своей подробности, тщательности и глубине понимания работа итальянских славистов окажется весьма познавательной не только для студентов и аспирантов, но и для всех итальянцев, интересующихся русской культурой. Представляет она интерес и для отечественных филологов, как взгляд на русскую литературу «со стороны».